

ЧТОБЫ ЗНАЛИ. ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Известный писатель, автор популярных исторических романов В.Г. Ян убеждает: «Если человеку выпадает случай наблюдать чрезвычайное, как то: извержение огнедышащей горы, побуждающей селения, восстание угнетённого народа против всемогущего владыки или вторжение в земли родины невиданного и необузданного народа, — всё это видевший должен поведать бумаге. А если он не обучен искусству называть концом тростинки слова повести, то ему следует рассказать свои воспоминания опытному писцу, чтобы тот начертил сказанное на прочных листах в наизидание внукам и правнукам».

Опытным писцом я совершенно не являюсь, но в то же время преобладающее искреннее желание донести до уважаемого читателя воспоминания очевидцев прошлого, уроки того минувшего времени, из которого и сплетена история нашей родины, нашей земли, нашего бытия. Чем дальше от нас события прошлого, тем сильнее свидетельствует его современников, отразивших неповторимый дух, характер и атмосферу эпохи, тем ярче дорожим мы каждым словом, советом, любой вещью, оставленной предками. Дороги, разумны и необходимы воспоминания очевидцев, их народная речь завораживает, мысли увлекают, память их убедительна.

Итак, передо мною лежат несколько бумажных листов формата А4, заполненных крупным, «острым» почерком. Внизу — дата, 2008 год, подпись. О своей жизни поведать Владимир Григорьевич Сковорода, тогда проживающий в д. Дмитрово, ныне по-

койный. Следует адресовать слова благодарности библиотекарю Лучанского филиала Г.М. Смирновой за большую трудовую работу по сбору такой информации среди людей старшего поколения и любезному предоставлению её для опубликования:

Я, СКОВОРОДА Владимир Григорьевич, родился в 1929 году на хуторе Рогово, близ деревни Носоновка, как говорила мне мать моя — в День Успенья Пресвятой Богородицы, 28 августа. Родители: отец Сковорода Григорий Терентьевич, рождения 1900 года, сын потомственного крестьянина, имел в Рогово

свой земельный надел и вёл домашнее хозяйство; мать, Вера Сергеевна, родилась в 1908 году так же в семье крестьянина. В 1932 году родители вступили в колхоз, который назывался «Красное Знамя». В это «Красное Знамя» они сдали свой земельный надел, коня, нетель и сельскохозяйственный инвентарь. Началось строительство социализма.

В 1936 году я был отдан в 1 класс Лучанской начальной школы, где в то время преподавание вели супруги Данышова, Зинаида Ивановна и Павел Дмитриевич. Это были прекрасные педагоги и замечательные интеллигентные люди. В этой школе я проучился 3 года.

В 1939 году началась административная реорганизация села, началось выселение крестьян с хуторов в деревни. Не обошло это историческое событие и моих родителей, которые долго сопротивлялись, но под угрозой снятия крыши с дома летом 1939 года переехали в деревню Носоновка, где в то время было 11 жилых домов крестьянских. Переезжать было очень трудно, но с помощью добрых людей дом был перевезён и вновь собран.

До лета 1941 года я окончил 4 и 5 классы Жихаревской неполной средней школы. В то время в Жихаревской НСШ были очень добрые, грамотные, требовательные педагоги: Тумановы, Виноградова Е.А., Никитина Е.Н., Тазиш А.К., Ворсус Э.К. и другие. Это было ядро сельской интеллигенции. Школа по количеству учеников была большой, около 200 учащихся. В нашем классе было более 40 человек. Учились в школе ребята из Колотилово, Синькова, Дмитрова, Носоновки, Осечина, Чернушки, Белёва, Борзова, Вичук, Которова, Новоселова и других деревень. И никого никаким транспортом в школу не возили. Ходили сами.

В 1941 году началась война. Окончили и наше радостное детство. Отцы, старшие братья ушли на фронт. Мы, подростки, стали на их место. 4 года проходили в тяжёлых изнурительных работах, но никто не ныл, не сетовал на трудности.

А работы были тяжёлыми. Весной копали землю вручную лопатой. Норма для взрослого — 3 сotka, нам немного меньше. Летом — сенокос: заготовка сена для колхозного стада коров и для коней на фронт. А каково это было с нашими хилыми силёнками? Ведь еда была «никакой». Жили подножным кормом, травой. Хлеб пекли из липовых опилок и собранных весной ядрышек крахмала сгнившей картошки на прошлогодних полях.

Самые тяжёлые работы были в осенние 1942 и 1943 годов, когда мне довелось в составе колхозного обоза вывозить раненых под Холмом солдат из Крючкова и других деревень аксёновской зоны прифронтовой по ночам (днём не давали передвигаться немецкие самолёты) в прифронтовые госпитали — в Шешурино и Серёжино. В телеге 2-3 раненых солдата, а ты шагаешь рядом, ведёшь коня, по колено в дорожной жиже, под проливным непе-

рестоящим дождём... И так две осени подряд.

Зимой было нелегче. Нашей обязанностью была расчистка от снега прифронтовой дороги Андреаполь — Холм через Лезно на участке Рогово — Сухие Нивы, а также расчистка взлётно-посадочных полос на прифронтовом аэродроме для штурмовой авиации в деревне Быстри. Все быстрианские поля и лесные рощи были заняты аэродромом. А мы, подростки нососовские, пешком должны были утром явиться на аэродром, получить норму работы, выполнить её и вечером пешком домой. Назавтра то же самое. И так целую зиму.

С началом войны 2 года никакой школы, никакой учёбы. В 1943 году я пошёл в 6 класс Жихаревской школы. Зимой — школа, летом — работы в колхозе. Дело доходило до того, что во время работы терялось сознание, падал в обморок. Самоотверженно трудились все: и дети, и старики, и женщины, тем самым приближая долгожданный день Победы.

В 1945 и 1946 гг. закончил 7 и 8 классы Бологовской средней школы и в 1946 году уехал в Ленинград, где в 1947 году поступил в Первое Ленинградское общеобразовательное училище. В 1950 году успешно его окончил, получил воинское звание лейтенанта и был направлен для продолжения службы в Группу советских войск в Германии. В 1952 году в связи с болезнью желудка был переведён с должности командира огневого взвода на должность начальника продовольственной службы мехполка. Но в связи с тем, что болезнь прогрессировала, в июле 1954 года медицинская комиссия был признан негодным к службе в армии в мирное время и комиссован с пенсией 500 рублей в месяц.

В 1964 году поступил на учёбу в Ленинградский политехнический институт, а в 1970 году его окончил. Был назначен на должность замначальника сборного цеха по сборке полупроводниковых приборов на заводе «Светлана», где раньше работал 10 лет на разных должностях.

В 1966 году серьёзно заболела жена, и я был вынужден из Ленинграда (Петербурга) переехать в деревню по рекомендации врачей и зову предков. Сразу был принят в совхоз «Любимский», где проработал до выхода на пенсию и даже, более того, в должностях главного инженера до рядового рабочего, будучи пенсионером.

А теперь пребываю на заслуженном отдыхе, если можно так назвать. Был сельским старостой 2 срока, пока позволяли силы. Сейчас нахожусь на инвалидности — инвалид второй группы.

Таков краткий мой жизненный путь, тяжёлый, но прекрасный, полезный для России.

Теперь я перевожу взгляд на узкие тетрадные листочки, местами склеенные, заполненные с каждой стороны мелким убогим почерком, предостаточно указывающим «см. на обороте». Это писал младший брат

Владимира Григорьевича — Сковорода Александр Григорьевич, 1931 г.р. (К сожалению, он покинул этот мир.) Откликнувшись на просьбу библиотекаря, верху указал: «К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Воспоминания».

22 ИЮНЯ 1941 года был яркий тёплый, солнечный день. Незадолго до этого дня мне исполнилось 10 лет. В моей родной деревне Носоновке узнали о начале войны только в конце дня. Наступила какая-то зловещая напряжённость. Вскоре объявили о мобилизации всего мужского населения. Сборный пункт находился в лесу между хутором Рогово и Лучанами.

В конце июля — начале августа начался массовый угон скота из западных областей: Псковской, Новгородской и, возможно, из прибалтийских республик на восток страны. Коровы, овцы и особенно свиньи с трудом преодолевали эти огромные переходы, выбившись из сил, отставали от стад и становились бродячими.

В сентябре стали появляться конные и пешие разведгруппы немцев. В это же время через деревню с запада на восток проходило много наших бойцов, выходивших из немецкого окружения. Они шли небольшими группами по лесным тропинкам. В деревне председателем колхоза выделял им проводников — мальчишек 10-12 лет, чтобы вдали от проезжих дорог провести в Пенюевский район, в деревню Осечино или Гору.

Нашу деревню немцы заняли осенью 1941 года, в конце сентября или начале октября. Это произошло вечером, когда неожиданно появились немецкие велосипедисты, которые без остановки проехали в сторону Новой деревни (Новоселова). А в ночь уже прибыли машины и тяжёлые конные повозки. Утром следующего дня немцы обошли все дома и на ломаном русском языке потребовали, чтобы все жители покинули деревню.

Я уже упоминал о бойцах, выходивших из немецкого окружения. Некоторые из них по пути останавливались на несколько дней в домах одиноких старух, помогали им по хозяйству (заготовка дров, починка заборов и изгородей). Один из таких окруженцев жил у моей бабушки, Матрены Ивановны. Когда немцы занимали её дом, он успел спрятаться под пол. Назавтра утром нас выгнали. Высыпали в Новую деревню, а через неделю или две отправили дальше, за Шарыгино в деревню Солки и Елисееву (кажется, такое название имела деревня за Шары-

гинским озером). Мы иногда приходили домой, чтобы взять что-то из тёплой одежды и продовольствия. Ведь приближались осенние холода. Когда через 2 или 3 дня мы появились в своей деревне, то увидели того окруженца, сидящего под охраной немца на крыльце дома. Было видно, что он голоден. Деревенские женщины угостили меня, чтобы я передал ему хлеб. Как только я стал приближаться к бойцу, немец вскинул винтовку и стал целиться в меня. Я очень испугался, повернул назад, охидая выстрела. Но немец, видимо, передумал и стрелять не стал.

Каких-либо боёв в нашей деревне не было, но немецкие могилы с берёзовыми крестами появились и в Носоновке, и в Новоселье. Однажды, придя в Носоновку за необходимыми вещами, мы не обнаружили немцев. Деревня была пуста, дома оставлены открытыми, всюду мусор и беспорядок. А в Новоселье фашистами был сожжён один дом. Все жители быстро возвратились на свои места.

Позднее мы узнали, что враги из нашей деревни двинулись в сторону Осташкова, где в декабре 1941 — январе 1942 гг. были бои (в период битвы за Москву) и отступали гитлеровцы на запад мимо наших мест: один путь от Осташкова по железной дороге в сторону Великих Лук, другой — от Осташкова на Холм. Таким образом, закончилась фашистская оккупация, но продолжалось наше военное детство.

Уже будучи взрослым человеком, в 60-х годах прошлого века мне посчастливилось встретиться с поэтом Анатолием Коршуновым. Меня поразило, взяло за душу одно его стихотворение, которое он назвал «Родившемуся в 1931 году». Это год рождения самого поэта, но стихотворение является полной справедливой биографией детей военного поколения. Приведу некоторые выдержки из него:

Мы в десять вдруг осиротевшие,
Ходили в стареньком,
с заплатыми.
И хлеба досье не евшие,
Совсем как взрослые —
не плакали.

А жизнь отцовскими
заботами
Нас наделяла до усталости.
И мы, как старшие, работали
И даже забывали шалости.

Мы действительно работали за старших. Чем же занимались мы, дети военного поколения? Скажу, чем пришлось заниматься мне. Будучи учеником начальных классов, вместе с другими выполнял школьное поручение собирать и сушить для госпиталя шавель и корни лекарственного растения валерианы. При этом была доведена до каждого норма. При проведении весенних и осенних посевов в колхозе нашей работой было боронование, но не на лошадах — их не хватало, а на быках. Такая работа, как «лешить» при посевах, была нашей обязанностью. Современные люди не знают значения этого слова.

Взрослея, дети получали более ответственные задания. Например, по очереди

доставляли почту из почтового отделения в Лучане в сборный почтовый пункт в с. Ломинское (это около Горки) и обратно. Было очень трудно, если очередь выпадала на период весенней распутицы, когда в плохой обуви, как правило, в лаптях, с промокшими ногами надо было пройти с мешком корреспонденции из Лучане до Ломинского и обратно.

Я до сих пор помню тот ужас, когда назначали на ночное дежурство в сельсовет. Когда ты один, а тебе 12 лет, находишься в огромном несвещённом здании глубокой ночью, где кругом раздаются какие-то неясные шорохи или звуки. Для чего вводились эти дежурства — я до сих пор не понимаю! Может быть, на случай телефонных звонков «сверху»?

В 1944 году я окончил 6 класс Жихаревской школы, а 7 класс из-за отсутствия учеников не открыли. Тут мне, поскольку я не ходил в школу, а уже достиг тринадцатилетнего возраста, дали очень серьёзное задание. Меня назначили носить на коромысле молоко в Люблино из Носоновки и Новоселья от личных подворий в виде обязательных молокопоставок. Моя работа состояла в ежедневном обходе подворий, сборе подлежащего обязательной поставке молока и доставке его на молокозавод в Люблино. Почему эту работу нельзя было совместить с деятельностью общественной фермы, я не знаю.

Наконец наступил 1945 год, наступил день 9 мая, День Победы! За десять дней до Дня Победы мне исполнилось 14 лет. День Победы люди встречали с огромной радостью. Это был тёплый, солнечный, яркий весенний день. Он был воспринят, как награда за лишения и страдания народа за четыре года войны. Люди плакали от радости и счастья, но эти слёзы были одновременно слезами горя и утрат.

Александр Дмитриевич Кондратьев 8 апреля 2021-го исполнилось 83 года. Прошлым летом он не смог приехать в д. Горки по причине болезни супруги. До этого уроженец этой деревни всегда летние месяцы проводил здесь. Приезжал из Москвы, вместе с женой и семьёй дочери. Потомкам будут бесценны картины прошлого, описанные Александром Дмитриевичем:

О ДЕРЕВНЕ ГОРКИ
Деревня Горки, что в Волжском сельском поселении, если взглянуть со стороны, например, с берега Лучанского озера, своими новыми домами, шиферными и жестяными крышами, зеркально отражающими солнце, напоминает посёлок.

Но если войти в деревню глубокой осенью, зимой или ранней весной, то среди этих домов встретишь мёртвую тишину. Ни звука, ни движения, ни человека. Последних трёх жителей не стало зимой 2006 года. В летнее время деревня немного оживает. Сюда приезжают с детьми из городов пенсионеры — уроженцы Горки. И тогда в десяти домах продолжается жизнь. Можно видеть движенье велосипедов, автомобилей, прибытие автолавок.

(Окончание на 11-й стр.).

ЧТОБЫ ЗНАЛИ. ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

(Окончание. Начало на 4-й стр.)

Кажется, вчера были наполнены жизнью все двадцать домов колхозников. Раздавались мычание коров, людской говор, крики петухов, гусей, постукивание движущей телеги и ржание выхленного колхозного жеребца. Цвели яблони, а в ульях пчелы носили мёд. Возле деревни размещались сараи, гумна, имелся коровник, конюшня на десяток лошадей, амбар и постоянно работающая кузница. В кузнице работал Василий Семёнович Смирнов, который безотказно и безвозмездно ладил односельчанам и грабли, и косы, и печные трубы, ремонтировал колхозные телеги, косилки и другой инвентарь. Во всей округе к нему относились с уважением и благодарностью.

И знали вплоть до областного начальства конюха Ивана Митрофановича Бонько. Он был приставлен к лошадям со дня образования колхоза, с середины 30-х годов, и не отходил от них до девяностолетнего возраста. Кони человека привязывают намертво. А кони Митрофановича были настолько ужоженны (особенно жеребец), что ими любовались прохожие, проезжие и приезжие.

Была в деревне уважаемая односельчанам и интеллигенция. Это и фельдшер Людмила Павловна Лях, заведующая медпунктом в Дмитрове, куда постоянно обращались за помощью, и учителя начальной школы супруги Данышова, отдававшие все свои знания детям. Начальная школа сначала находилась в Горках, потом в Дмитрове.

Кроме русских в деревне проживали эстонские, латышские, белорусские семьи с фамилиями Яр, Пушпур, Лях, Симоненко. Деревенская артель жила и трудилась дружно. Конфликтов не было. Участием, советами,

делами, сопереживаниями помогали друг другу. Всем было просторно. Вечерами молодёжь сходилась на гулянье в одну из изб. Играла гармошка, кружились в танцах, пелись сочинённые только что частушки. Таких гуляний было много, особенно зимой, когда в Горки наезжали «постояльцы». Это были ребята и девчата из других деревень, направленные на заготовку древесины. Самым светлым и почитаемым праздником являлся Сергиев День, с ярмаркой, гуляньями до утра. Гости зазывались в избы на обеды с вином, на ночлег. Одновременно жители Горки пахали землю, севали, заготавливали корма, убирали урожай и выполняли всякую другую работу.

Почему деревня названа Горки? Жители не имели точного ответа.

На западе деревня примыкала к древнему селению Лучане, где были церкви, фельдшерский пункт, сельский Совет, почта, библиотека. Все учреждения располагались в добротных деревянных домах с высокими потолками.

Проживало несколько семей, стоял двухэтажный деревянный дом. На юго-востоке вблизи Горки находились небольшие селения: Баковка, Платоновка, Любосилы. Вместе с Горками они входили в один колхоз. Горки замерли на высоких холмах, словно чья-то могучая рука их подняла над окрестностью ближе к солнцу, ближе к небу.

После Первой мировой и гражданской войн население страны в большинстве своём оказалось в городах. Высшее руководство, обеспокоенное тем, что одиночки не прокормят страну, стало создавать колхозы. К тому же «запахло» войной... В Горки переселились семьи с ближайших хуторов. Нужны были хозяйства крепкие: с тракторами, комбайнами, техникой. Первой на колёсном тракто-

ре по Горкам проехала Настя Селец (ранее Смирнова).

Территория деревни хранила признаки давнего барского поместья: прямоугольный пруд, не похожий на естественный; в круг, диаметром 500 метров, могучие, когда-то посаженные деревья: клёны, берёзы, липы; остатки с большими камнями фундамента.

Когда-то три родственные семьи приобрели в Горках землю и поселились тут. Из них до глубокой старости дожили Смирнова Надежда, Симоненко Анна, Бонько Анна.

Налаживание новой жизни, обустройство личных домов и колхоза жестоко обрвала война. Деревня опустела. Мужчины были призваны на фронт. Большинство не вернулось. Призывались и девчата, возвращались беременными. Вся работа легла на женские руки. Вскоре — тревожная оккупация и сразу же внезапное выселение жителей в сторону Холма. Шли пешком. Младенцы на руках, имущества — никакого. Коровы, не пригнанные с поля, остались сами по себе, дома не заперты.

А когда фронт продвинулся к западу, после зимы жители вернулись. В избах, конечно, разорение: стёкла вы-

биты, предметы мебели сожжены, зерно вывезено. Нет соли, керосина, мыла, спичек. Наступил почти первобытный образ жизни. Жгли лучину, огонь добывался из камня, вместо мыла щёлочь из золы. В избах ткались холсты. Женщинам надо было всё уметь и успевать.

У Холма долго бухало. До содрогания земли. У Гитлера была учреждена медаль «За оборону Холма», немцев там полегло около тридцати тысяч. Через Горки по большаку тянулись полуторки с патронами, снарядами, сухарями.

А трудоспособным женщинам, ещё не оправившимся от «выселок», было приказано готовить землю для посева. И их усталые, натруженные руки там, где сейчас уже ничего не выращивается и поле оставлено для кабанов, сотку за соткой отрезали, переворачивая спаренными лопатами тяжёлые комья дерна. Рядом находились и дети.

В послевоенные годы поля засеивались рожью, льном, овсом и горохом. Иногда выручал лён — самая тяжёлая и трудоёмкая культура. За него государство давало пшеницу. Она спасала от голода. Недавно директор учхоза «Удрайское», что под Великими Луками, В. Семашко такую оценку дал льну: «Мы знали, что загруженная льном машина «привезёт» обратно трактор. Такое было соотношение цен» («Правда», №98, 2007, с. 3).

Но в то же время жителей, особенно молодых, в Горках оставалось всё меньше и меньше. Призванные в армию не возвращались, а девчата после семи классов уходили в город, в няньки.

В настоящее время в сельское хозяйство вкладывается 1% ВВП, в странах Европы в 30 раз больше, в США — в 60 раз. Адам Смит, английский экономист, в своё время предупреждал об ис-

требительном свойстве рыночных сил, если им дать полную волю.

В своё время Горки щедро делились с государством, как и тысячи других деревень, зерном, льном, молоком, мясом, шерстью, людской силой. Но обмен был не адекватным. И потому Горки слабели, затихали и остались лежать мёртвыми домами на своих холмах (горках). Они разделили судьбу тысяч и тысяч других деревень. Писатель Валентин Распутин горестно замечает: «Без деревни Россия сирота». Разве мы этого не понимаем?

20 сентября 2007 года. Крупная размашистая подпись «А Кондратьев».

Заканчивая экскурсию по лужанской земле, остаётся выразить признательность и поклониться памяти мальчику с фамилией Харитонов.

Благодаря его добросовестным стараниям сегодня всплывают перед нами драгоценные приметы времени 94-летней давности. Сообщение юного краеведа нашла я в интернете. (Источник: Холмский уезд, Псковской губернии. Сборник краеведческих материалов. II выпуск/ г. Холм Псков. губ. Издание Холмского Общества Краеведов. 1927 г.) Орфография и пунктуация сохранены:

Из работ краеведческого кружка Холмской школы II ступени

В озере Илигово, Лучанского с-сов., водятся в изобилии раки у северного, южного (отчасти) и западного берега; у восточного берега их мало.

Одна из причин данного явления, несомненно, та, что у первых берегов на дне часто встречаются кусочки извести, необходимой ракам для построения панциря, а около восточного берега извести не встречается. Раки с икрой встречаются в мае, июне, июле и августе месяцев; главным образом во время цветения ржи.

В этом районе, близ деревни Котровки и Никифоровки имеется возвышенный луг, из которого берут начало две реки: Ущина, впадающая в Либинское озеро, и речка, не имеющая названия, впадающая в р. Большой Тудер. Либинское озеро соединяется с Волжским бассейном. Большой Тудер впадает в р. Ловат и, следовательно, относится к Ильменскому бассейну. Отсюда видно, что вышеуказанный луг помещается на водоразделе между Ильменским и Волжским бассейном.

В 2-3 верстах от лужки начинается Лезенская дача. До революции здесь были по всей даче (около 10 кв. вёрст) крупные дубы. С 18 по 22 год их беспрерывно вырубали и в настоящее время их можно встретить, как редкость. Вырубленные места зарастают осиною, орешником и изредка мелкими дубками.

Харитонов В. класса. Вот и подошёл к концу небольшой урок истории по теме «Чтобы знали. Чтобы помнили». Юный читатель этой статьи сегодня, несомненно, получает оценку «5» за стремление в приобретении новых знаний по истории малой родины, старший читатель — за готовность передать воспоминания, опыт, правду молодым. Ведь жизнь — самый лучший источник правды. Очень важно, чтобы подрастающее поколение слышало её от родных и близких, а не черпало восхищённо из сомнительных источников информации, подчинённых воле недоброжелателей России.

Р.С. Татьяна Ивановна Смирнова, 1938 г.р., бывшая неумолимая труженица совхоза «Любинский», быстро, не задумываясь, объяснила мне значение слова «пешить». И не удивительно, потому что помнит, конечно, трудовые обязанности детей послевоенного детства.

Жанна Морозова.